

МУЗЫКА... Она доставляет нам радость и эстетическое наслаждение, помогает строить и жить, первенство печали и траура, отмечать и радоваться. Она вошла в нашу жизнь и стала ее постоянной спутницей.

Мы привыкли к этому «музыкальному сопровождению», порой просто не замечаем его. Но представьте на минуту, что музыка перестала звучать. Каково унылое, бесцветное покояться тогда звуками «окраски» нашего быта, как нам будет недоставать побывавших мелодий! Однако в нашем музыкальном «хозяйстве» еще далеко не все обстоит благополучно. И поэтому сегодня мы начинем разговор о музыке, которая окружает нас, музыке, которая звучит по радио, провожая нас утром на работу и встречая вечером дома. Мы хотим поговорить о музыке, сопровождающей часы нашего отдыха в кафе и на танцплощадке, в ресторане и в парке, на курорте и в кино. Какой должна быть эта «музыка нашего быта», ее качество, как опре-

МУЗЫКА ВОКРУГ НАС

делить ее «дозы» в программах радиопередач и репертуара различных музыкальных ансамблей?

Мы приглашаем наших читателей принять участие в этом большом разговоре. Сегодня предоставляется слово народному артисту СССР А. Свешникову, заслуженному деятелю искусств РСФСР С. Балескину, народному артисту Киргизской ССР В. Фере, композитору А. Жицкову, журналисту М. Яковлеву, члену-корреспонденту Академии наук ССР К. Караваеву, ударнику коммунистического труда Кировского завода Ю. Хлебникову.

ЖИЗНЬ нашей музыки разделяна на две совершенно различные «культурные» сферы.

Одна из них — сфера филармонических концертов, где пропагандируются лучшие образцы классики и современной музыки, где вся работа строится по строгому плану, где демонстрируют свое искусство лучшие наши солисты и творческие коллективы; другая — сфера так называемой бытовой музыки, той, которую вы слушаете повсюду — по радио или просто на моложежном вечере, в поезде, в парке, на пляже, в ресторане, в фойе кинотеатра перед просмотром картин. И эта область бытовой музыки по своему «объему» значительно превосходит ту, которая падает на долю концертов. И если филармонические концерты занимаются пансионерами и серьезно, снятая их важнейшим средством эстетического воспитания советского человека, то бытовая музыка словно бы предстает сама себе здесь зачастую царят азарт и полная бесконтрольности. А ведь в сущности, благоглядия только одному радио и другим новишинам изобретениям техники музыка сопровождает нас всюду и непременно, заметно оказывая влияние на эстетическое восприятие. И естественно, возникает вопрос: в полной ли мере, например, наши музыкальные передачи по радио отвечают требованиям времени, вкусам и потребностям наших слушателей? Вот взять хотя бы «дизайнерскую» и панорамную музиковеду музыки по радио: Вопрос этот, на мой взгляд, далеко не праздный. Так, симфоническую музыку дают в большом количестве утром. Верно ли это? Ведь если принять, что к восприятию глубокой по содержанию оперной, симфонической или камерной музыки подготовлена значительно меньшая часть наших слушателей, то не следовало ли пропагандировать лучшие образцы и современную музыку передачами целиком именно на вечерние часы, когда, естественно, радиоведущие численно много больше?

Кроме того, по самой музыкальной «тематике» радиопередачи кажутся мне перенасыщенными: ведь в эфире подряд звучат и классические оратории, и частушки под аккомпанемент народного инструмента, и все прочие бесчисленные формы и жанры музыки. Таким образом, при столь обширной порции мы невольно лишаемся «смысли» восприятия, и, право же, мы, музыкант-профессионал, уже все равно, что слушать, а что же тогда делать любителем?

И невольно вы начинаете ощущать даже отрывные произведения лишь в качестве «фона», музыкального «шума», потому что слышите их как бы «каждую прочим» — в первых и паузах литературно-драматических или других радиопередач.

Мне вспоминается замечательная статья Маркса Шагиня «Мать гармонии и ритма» («Советская музыка», № 6 за 1961 год), где она пишет: «...неупрекоме использование радио, и даже замена подлинной музыки громкоговорителями (например, на курортах, в санаториях, в парках, на пироходах и т. д.) не только не «развивает музыкальную культуру», а во многих случаях убивает ее. Искажают вкус слушателей и действуют на первую систему в обратном от желаемого порядке: взвинчивают и дезорганизуют, а не гармонизируют и не ритмизуют». И хотя М. Шагинян справедливо замечает, что «музыка по радио... никогда не воспринимается с абсолютной чистотой и выразительностью», все же миллионы людей могут слушать по радио отличную музыку либо недослышенно на концертном залах, либо из студии записокин. Я абсолютно согласен с автором, что примитивное слушание радио (в тех же санаториях, кафе, парках и т. д.) — сущее наказание, а вовсе не удовольствие. Например, «концерты», которые слушаются в прямом эфире. Их могут возразить: «Как беда, всего день-другой, так ли уж важно, что там передают, пока едешь». Нет, это беда, и притом большая. Ведь человек постепенно, в течение всей жизни приобретает необходимые ему знания, крупчики духовного богатства. Но, к сожалению, тот, кто должен быть помощником музыканта-воспитателя, равнодушно крутят оную убогую пластику за экраном и будут, вероятно, искренне возмущены, если его привлечут к ответственности за наследование дурного вкуса.

А музыка на летнем отдыхе? Здесь доля дурного музыкального вкуса, сожалению, немножко больше, чем в поездках радиопередач, а следовательно, и вред от этого еще значительнее. Вспомни хотя бы Черноморское побережье, где отдаются несметное число людей. Правда, на некоторых благоустроенных курортах организуют хорошие концерты, но они буквально тонут в море музыкальной халтуры. Даву дешевые, откуда появляются все эти бесконечные вокальные, танцевальные и инструментальные ансамбли, не имеющие ничего общего с подлинным профессионализмом. По замыслу их организаторов и руководителей они, видимо, должны украшать отдыхающих, но разве безобразное можно назвать за красивое?

Нельзя отрицать потребность народа в искус-

Слово предоставляет:

Ю. ХЛЕБНИКОВУ,
ударнику коммунистического труда, разнотипчику механического цеха № 8 Кировского завода

Не могу судить о музыке как профессионале, но очень люблю ее. Поэтому, действительно, музыка «стронты жить помогает». В нашем цехе многие работают музыками. Недавно организовали у себя самодеятельный оркестр. В красном уголке у нас есть пианино, барабаны, гитара. Но вот беда, никогда не дастать нет музыкальных произведений, которые хотелось разучить. Досадно, что получается передко так: прозрчавши по радио, телевидению или услышавши в кинофильме новую хорошую песню, в моты ее дастать трудно.

Мне кажется, что музыка, которую мы слышим по радио, в кафе, на стадионе, пластики, которые проходят, несколько однообразна.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

КРАСКИ НАШЕГО БЫТА

Сов. культ 9 июня 1964.

А. СВЕШНИКОВ,
народный артист ССР

СВЕДЕНИЯ о легком и серьезном жанрах искусства очень условлены, зачастую приводят к однобокости понимания их сущности и приводят тем самым к огромному вреду. Почему-то сейчас принято считать, что музыкальная эстрада должна быть только увеселительной. Я твердо уверен, что не только развлечения. Разные художественные эстрады — это тоже разделение? Так почему же ни в одном из имевшихся младших исполнителей эстрадной песни или стихов мы не видим будущих Обуховых или Качаловых? Разумеется, правда, красота исполнительского искусства, красота песни и ее слов «казахским» сфере эстрадного музыкального искусства?

Существующее мнение о том, что наша молодежь ищет в музыке легкой одну лишь развлекательность, кажется мне необоснованным и по меньшей мере странным. Во всяком случае оно неизменно действует с глубоким знанием жизни нашего народа, его вкусов и потребностей. Общеизвестно, что в России любовь к песне уходит в глубь веков. И мне думается, что эта любовь пытались не только потребностью духовно выражать себя посредством музыки — веселой, шуточной, удалой или печальной, но и вечной потребностью человека в общении с прекрасным. Это потребность не исчезла и в наше время. И теперь народ любит петь. Разумеется, поют всякие песни — и хорошие, и постредственные, и просто плохие. Но время неумолимо отгоняет все антихудожественное. Двадцать лет — срок, по-моему, достаточный, чтобы определить истинное «характер» музыки. И вот если вспомнить кое-какие годы, то в сердцах людей оторвалась, например, патристическая песня А. Александрова, лирическая — М. Блантера. В итоге — и прадеды жизни, и красота образов.

Так почему же в музыке, которая окружает нас, мы все реже и реже слушаем образами, которые принадлежали бы к области истинного искусства? Вероятно, ухищрение содержания и дополнительности эстрадного искусства прежде всего объясняется тем, что ему, очевидно, не придается большого значения в деле воспитания молодежи. А ведь известная простота и доступность легкого искусства предполагают наиболее широкую сферу его воздействия. Думается, что в быту должны звучать и лучшие образцы бытовой музыки прошлого и современности, что во многом бы расширило и обогатило национальную сферу наших слушателей.

Критик А. Серов писал о том, что «кус» разивается, воспитывается, как всякая другая способность в человеке. И теперь, когда большое внимание стало достоянием народа, мы, деятели советской культуры, всегда должны помнить об эстетическом воспитании нашего народа, приобщении его к прекрасному. И к этим вершинам нам следует приблизиться и сферу музыки — той, которая «вокруг нас», которая звучит по радио, в кафе, на стадионах, в походе. Пусть музыкальный быт советских людей питается в равной степени и серьезными, и легкими жанрами. Нам нужно в коммунизме и симфонии, и шутке, и печали, чтобы исполнители, чтобы определить истинное «характер» музыки.

Позволю здесь лирическое отступление. Однажды в Англии на одном официальном приеме известной своей общественной деятельностью лорд Харруд в разговоре со мной сделал неожиданное признание. В минуты особой душевной настроенности, сказав он, когда у него возникает потребность, слушать сюрпризом с совершенным

вокальным мастерством исполнителя, который не знает языка, он не пытается, а наоборот, ищет в нем возможность назначения «легкого» искусства, вопрос же о роли в нем традиций следит вместе с обсуждением не только профессионалов, но и самодельных композиторов и артистов эстрады, а также самых широких масс слушателей.

Позволю здесь лирическое отступление. Однажды в Англии на одном официальном приеме известной своей общественной деятельностью лорд Харруд в разговоре со мной сделал неожиданное признание. В минуты особой душевной настроенности, сказав он, когда у него возникает потребность, слушать сюрпризом с совершенным

вокальным мастерством исполнителя, который не знает языка, он не пытается, а наоборот, ищет в нем возможность назначения «легкого» искусства, вопрос же о роли в нем традиций следит вместе с обсуждением не только профессионалов, но и самодельных композиторов и артистов эстрады, а также самых широких масс слушателей.

Позволю здесь лирическое отступление. Однажды в Англии на одном официальном приеме известной своей общественной деятельностью лорд Харруд в разговоре со мной сделал неожиданное признание. В минуты особой душевной настроенности, сказав он, когда у него возникает потребность, слушать сюрпризом с совершенным

вокальным мастерством исполнителя, который не знает языка, он не пытается, а наоборот, ищет в нем возможность назначения «легкого» искусства, вопрос же о роли в нем традиций следит вместе с обсуждением не только профессионалов, но и самодельных композиторов и артистов эстрады, а также самых широких масс слушателей.

Позволю здесь лирическое отступление. Однажды в Англии на одном официальном приеме известной своей общественной деятельностью лорд Харруд в разговоре со мной сделал неожиданное признание. В минуты особой душевной настроенности, сказав он, когда у него возникает потребность, слушать сюрпризом с совершенным

вокальным мастерством исполнителя, который не знает языка, он не пытается, а наоборот, ищет в нем возможность назначения «легкого» искусства, вопрос же о роли в нем традиций следит вместе с обсуждением не только профессионалов, но и самодельных композиторов и артистов эстрады, а также самых широких масс слушателей.

Позволю здесь лирическое отступление. Однажды в Англии на одном официальном приеме известной своей общественной деятельностью лорд Харруд в разговоре со мной сделал неожиданное признание. В минуты особой душевной настроенности, сказав он, когда у него возникает потребность, слушать сюрпризом с совершенным

вокальным мастерством исполнителя, который не знает языка, он не пытается, а наоборот, ищет в нем возможность назначения «легкого» искусства, вопрос же о роли в нем традиций следит вместе с обсуждением не только профессионалов, но и самодельных композиторов и артистов эстрады, а также самых широких масс слушателей.

Позволю здесь лирическое отступление. Однажды в Англии на одном официальном приеме известной своей общественной деятельностью лорд Харруд в разговоре со мной сделал неожиданное признание. В минуты особой душевной настроенности, сказав он, когда у него возникает потребность, слушать сюрпризом с совершенным

вокальным мастерством исполнителя, который не знает языка, он не пытается, а наоборот, ищет в нем возможность назначения «легкого» искусства, вопрос же о роли в нем традиций следит вместе с обсуждением не только профессионалов, но и самодельных композиторов и артистов эстрады, а также самых широких масс слушателей.

Позволю здесь лирическое отступление. Однажды в Англии на одном официальном приеме известной своей общественной деятельностью лорд Харруд в разговоре со мной сделал неожиданное признание. В минуты особой душевной настроенности, сказав он, когда у него возникает потребность, слушать сюрпризом с совершенным

вокальным мастерством исполнителя, который не знает языка, он не пытается, а наоборот, ищет в нем возможность назначения «легкого» искусства, вопрос же о роли в нем традиций следит вместе с обсуждением не только профессионалов, но и самодельных композиторов и артистов эстрады, а также самых широких масс слушателей.

Позволю здесь лирическое отступление. Однажды в Англии на одном официальном приеме известной своей общественной деятельностью лорд Харруд в разговоре со мной сделал неожиданное признание. В минуты особой душевной настроенности, сказав он, когда у него возникает потребность, слушать сюрпризом с совершенным

вокальным мастерством исполнителя, который не знает языка, он не пытается, а наоборот, ищет в нем возможность назначения «легкого» искусства, вопрос же о роли в нем традиций следит вместе с обсуждением не только профессионалов, но и самодельных композиторов и артистов эстрады, а также самых широких масс слушателей.

Позволю здесь лирическое отступление. Однажды в Англии на одном официальном приеме известной своей общественной деятельностью лорд Харруд в разговоре со мной сделал неожиданное признание. В минуты особой душевной настроенности, сказав он, когда у него возникает потребность, слушать сюрпризом с совершенным

вокальным мастерством исполнителя, который не знает языка, он не пытается, а наоборот, ищет в нем возможность назначения «легкого» искусства, вопрос же о роли в нем традиций следит вместе с обсуждением не только профессионалов, но и самодельных композиторов и артистов эстрады, а также самых широких масс слушателей.

Позволю здесь лирическое отступление. Однажды в Англии на одном официальном приеме известной своей общественной деятельностью лорд Харруд в разговоре со мной сделал неожиданное признание. В минуты особой душевной настроенности, сказав он, когда у него возникает потребность, слушать сюрпризом с совершенным

вокальным мастерством исполнителя, который не знает языка, он не пытается, а наоборот, ищет в нем возможность назначения «легкого» искусства, вопрос же о роли в нем традиций следит вместе с обсуждением не только профессионалов, но и самодельных композиторов и артистов эстрады, а также самых широких масс слушателей.

Позволю здесь лирическое отступление. Однажды в Англии на одном официальном приеме известной своей общественной деятельностью лорд Харруд в разговоре со мной сделал неожиданное признание. В минуты особой душевной настроенности, сказав он, когда у него возникает потребность, слушать сюрпризом с совершенным

вокальным мастерством исполнителя, который не знает языка, он не пытается, а наоборот, ищет в нем возможность назначения «легкого» искусства, вопрос же о роли в нем традиций следит вместе с обсуждением не только профессионалов, но и самодельных композиторов и артистов эстрады, а также самых широких масс слушателей.

Позволю здесь лирическое отступление. Однажды в Англии на одном официальном приеме известной своей общественной деятельностью лорд Харруд в разговоре со мной сделал неожиданное признание. В минуты особой душевной настроенности, сказав он, когда у него возникает потребность, слушать сюрпризом с совершенным

вокальным мастерством исполнителя, который не знает языка, он не пытается, а наоборот, ищет в нем возможность назначения «легкого» искусства, вопрос же о роли в нем традиций следит вместе с обсуждением не только профессионалов, но и самодельных композиторов и артистов эстрады, а также самых широких масс слушателей.

Позволю здесь лирическое отступление. Однажды в Англии на одном официальном приеме известной своей общественной деятельностью лорд Харруд в разговоре со мной сделал неожиданное признание. В минуты особой душевной настроенности, сказав он, когда у него возникает потребность, слушать сюрпризом с совершенным

вокальным мастерством исполнителя, который не знает языка, он не пытается, а наоборот, ищет в нем возможность назначения «легкого» искусства, вопрос же о роли в нем традиций следит вместе с обсуждением не только профессионалов, но и самодельных композиторов и артистов эстрады, а также самых широких масс слушателей.

Позволю здесь лирическое отступление. Однажды в Англии на одном официальном приеме известной своей общественной деятельностью лорд Харруд в разговоре со мной сделал неожиданное признание. В минуты особой душевной настроенности, сказав он, когда у него возникает потребность, слушать сюрпризом с совершенным

СЛУЖЕНИЕ НАРОДУ—ВЫСОКОЕ ПРИЗВАНИЕ ИСКУССТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

искусство, богатое содержанием, проникновенное выражение современности, злободневное и долю живущего.

Лучшие фильмы, вышедшие из кинозала, своим содержанием и образным строем утверждают то новое, ленинское, неизысканное, что сказывается в нашей жизни с историческим XX съездом партии.

В советском кинокиносе превозходит решительный поворот впереди теме. Благодаря своему видению партийной критики, касающейся развернувшихся сейчас серьезных борьб против влияния трумажного декадентского искусства, против серости и постредственности, затворническое развитие гущущих традиций советского киноискусства.

При беспрерывных успехах искусства можно пока еще в большом избытке предвидеть наше будущее.

Вот почему с необычайной остройностью стоит сегодня перед деятелями кинематографии задача реального вымысла художественного мастера. По всем линиям — спиральной, революционной, актерской, кинорежиссерской, актерской. Художественные сложные, плохие картины не могут быть «идеальными», но она диктует нам тему, при которой трактует, а иногда и опровергает характеры и отношения людей. Но для этого он должен быть языком реализма — верным, точным и ясным. Ворба за правдивость, общественную значимость искусства у нас всегда связывается с борьбой против формализма и эстетики, за выскокондиторскую, социально-действенную художественную творческую. Возвращение молодых художников, которые недавно еще поддавались формалистическим увлечениям, на реалистический путь убедительно подтверждает о том, что они стали глубже сознавать свою творческую ответственность.

Разумеется, было бы поспешенно делать вывод о том, что творческие работники, подвергнутые в свое время спиральной критике, сумели до конца осознать и преодолеть губительные для развития их талантов ошибочные тенденции. Некоторые из них еще не отошли от старых, нервных представлений, не создали новых работ, которые могли бы послужить общественному подтверждению, признанию народа. Помочь таким товарищам найти верный путь в творчестве — задача нашей художественной общественности.

В этой связи Е. Ф. Белавицкая говорит об особой ответственности творческих союзов за изление воспитанников молодых кадров. Союзы не всегда умеют выйти нужные формы работы, не умеют пропагандировать излишнюю твердость и забытые отношения к таланту. Нам нужно учиться у наших учителей изображать своих товарищ на больших дела в искусстве, формировать гражданское лицо художника.

БОЛЬШУЮ ПОМОЩЬ в устроении этих недостатков, сказали И. А. Тарновский и Л. А. Кудинов, бесспорно, окажет приятие недавно Центральным Комитетом партии восторженное в работе студии «Мосфильм».

В ДОКЛАДЕ в «выступлениях» отмечались новые плодотворные процессы в развитии художественного искусства, шел кинематографический разговор о насущных проблемах работы советских художников.

Основанием важности задач нашего искусства было признано творчество художников, состоявшегося некоторое время назад. Он проявил в обстановке единения сил советского художества, решительном выступлении против чуждых советскому искусству абстракционизма, формализма, против национализма и ремесленничества.

Партия хочет видеть борьбу и становление нового в самих фактах жизни. Сила партийного руководства — в умении дать ключ к пониманию жизненных процессов. После встреч с руководителями партии и правительства художники еще острее почувствовали необходимость глубже войти в жизнь

народа. На многих важных участках коммунистического строительства побывали в минувшем году художники, готовившие новые произведения к выставкам «На страницах мира», «Советская Россия» и других, называемым эталонами на большом смотре нашего искусства — выставкам, посвященным 30-летию Советской власти и 180-летию со дня рождения В. И. Ленина.

В настоящий год с успехом прошли выставки в Кинешме, в Баку, в Ленинграде, открылись перед зрителями на своих выставках такие художники Белоруссии, Грузии, Киргизии, Башкирии, Латвии, Литвы. В новых лучших работах сказались стремление почтительно помнить прошлое и сдержанность образа советского человека, увидеть его в конкретной обстановке жизни.

Е. Белавицкая и П. Д. Коринько остро были поставлены вопрос о художественном мастерстве. В концепции сче-те, что «существо искусства может быть получено средством воспитания людей. Но для этого он должен быть языком реализма — верным, точным и ясным. Ворба за правдивость, общественную значимость искусства у нас всегда связывается с борьбой против формализма и эстетики, за выскокондиторскую, социально-действенную художественную творческую. Возвращение молодых художников, которые недавно еще поддавались формалистическим увлечениям, на реалистический путь убедительно подтверждает о том, что они стали глубже сознавать свою творческую ответственность.

Разумеется, было бы поспешно делать вывод о том, что творческие работники, подвергнутые в свое время спиральной критике, сумели до конца осознать и преодолеть губительные для развития их талантов ошибочные тенденции. Некоторые из них еще не отошли от старых, нервных представлений, не создали новых работ, которые могли бы послужить общественному подтверждению, признанию народа. Помочь таким товарищам найти верный путь в творчестве — задача нашей художественной общественности.

В этой связи Е. Ф. Белавицкая говорит об особой ответственности творческих союзов за изление воспитанников молодых кадров. Союзы не всегда умеют выйти нужные формы работы, не умеют пропагандировать излишнюю твердость и забытые отношения к таланту. Нам нужно учиться у наших учителей изображать своих товарищ на больших дела в искусстве, формировать гражданское лицо художника.

В ДОКЛАДЕ в «выступлениях» отмечались новые плодотворные процессы в развитии художественного искусства, шел кинематографический разговор о насущных проблемах работы советских художников.

Основанием важности задач нашего искусства было признано творчество художников, состоявшегося некоторое время назад. Он проявил в обстановке единения сил советского художества, решительном выступлении против чуждых советскому искусству абстракционизма, формализма, против национализма и ремесленничества.

Партия хочет видеть борьбу и становление нового в самих фактах жизни. Сила партийного руководства — в умении дать ключ к пониманию жизненных процессов. После встреч с руководителями партии и правительства художники еще острее почувствовали необходимость глубже войти в жизнь

народа. На многих важных участках коммунистического строительства побывали в минувшем году художники, готовившие новые произведения к выставкам «На страницах мира», «Советская Россия» и других, называемым эталонами на большом смотре нашего искусства — выставкам, посвященным 30-летию Советской власти и 180-летию со дня рождения В. И. Ленина.

В настоящий год с успехом прошли выставки в Кинешме, в Баку, в Ленинграде, открылись перед зрителями на своих выставках такие художники Белоруссии, Грузии, Киргизии, Башкирии, Латвии, Литвы. В новых лучших работах сказались стремление почтительно помнить прошлое и сдержанность образа советского человека, увидеть его в конкретной обстановке жизни.

Е. Белавицкая и П. Д. Коринько остро были поставлены вопрос о художественном мастерстве. В концепции сче-те, что «существо искусства может быть получено средством воспитания людей. Но для этого он должен быть языком реализма — верным, точным и ясным. Ворба за правдивость, общественную значимость искусства у нас всегда связывается с борьбой против формализма и эстетики, за выскокондиторскую, социально-действенную художественную творческую. Возвращение молодых художников, которые недавно еще поддавались формалистическим увлечениям, на реалистический путь убедительно подтверждает о том, что они стали глубже сознавать свою творческую ответственность.

Разумеется, было бы поспешно делать вывод о том, что творческие работники, подвергнутые в свое время спиральной критике, сумели до конца осознать и преодолеть губительные для развития их талантов ошибочные тенденции. Некоторые из них еще не отошли от старых, нервных представлений, не создали новых работ, которые могли бы послужить общественному подтверждению, признанию народа. Помочь таким товарищам найти верный путь в творчестве — задача нашей художественной общественности.

В этой связи Е. Ф. Белавицкая говорит об особой ответственности творческих союзов за изление воспитанников молодых кадров. Союзы не всегда умеют выйти нужные формы работы, не умеют пропагандировать излишнюю твердость и забытые отношения к таланту. Нам нужно учиться у наших учителей изображать своих товарищ на больших дела в искусстве, формировать гражданское лицо художника.

В ДОКЛАДЕ в «выступлениях» отмечались новые плодотворные процессы в развитии художественного искусства, шел кинематографический разговор о насущных проблемах работы советских художников.

Основанием важности задач нашего искусства было признано творчество художников, состоявшегося некоторое время назад. Он проявил в обстановке единения сил советского художества, решительном выступлении против чуждых советскому искусству абстракционизма, формализма, против национализма и ремесленничества.

Партия хочет видеть борьбу и становление нового в самих фактах жизни. Сила партийного руководства — в умении дать ключ к пониманию жизненных процессов. После встреч с руководителями партии и правительства художники еще острее почувствовали необходимость глубже войти в жизнь

народа. На многих важных участках коммунистического строительства побывали в минувшем году художники, готовившие новые произведения к выставкам «На страницах мира», «Советская Россия» и других, называемым эталонами на большом смотре нашего искусства — выставкам, посвященным 30-летию Советской власти и 180-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Союз художников СССР должен делать больше внимания таким массовым видам искусства, как плакат, иллюстрация, прикладная графика, художественное книгоиздание, почтовая открытка. В числе важных вопросов развития советского изобразительного искусства, отметил Е. Ф. Белавицкая и П. Д. Коринько, — развитие старомодного фахтизма и реакционного по существу. Его возрождение течения, усиленно рекламируемые на Западе, на самом деле представляют собой бесплодное повторение экспериментов, имеющих более чем патологическую давность.

— Я хотела предоставить молодым композиторам, которые думают, что они говорят новое слово своим «авангардистским» произведениям, — сказала Д. Шостакович. — На самом деле они идут назад, но «авангардизм» — явление старомодное.

— РОШЕЛ жесткий язык гол, — сказал в своем выступлении Л. К. Хренников, — а сколько задумано и уже написано новых музыкальных произведений о наше современности, какие найдутся интересные форызы творческого общества, — добавил композитор.

— Участники заседания отмечали полемику работы Веселовского, — заявил Т. К. Хренников, — а сколько интересных произведений, какими найдутся молодые композиторы, которые не поддаются никаким канонам?

— ПРОКАЗНАя забота о дальнейшем пользовании изданного уровня и художественного мастерства советской литературы и искусства, — подчеркнул Д. Шостакович, — «Современные творческие традиции», — сказал Т. К. Хренников.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

— Я хотела бы напомнить о том, что не против любых течений, — сказала Е. Ф. Белавицкая, — но против любых, которые не поддаются никаким канонам.

Читатели рассказывают, критикуют, советуют

ОСКОРБЛЕНИЕ НЕДОВЕРИЕМ

У ВАЖАЕМАЯ редакции! Написать вам письмо заставила меня обида. Как можно в народе человека видеть мулена, начинать знаменитость и заранее спланировать обида? Но я переписываю письмо в библиотеку № 42 Красногорского района. Но меня отпустили там записать, объяснив это плохим.

Попыталась выяснить, почему так? Работники библиотеки ответили, что не доверили мне. Я поклонилась и ушла.

— Скажите, а что надел ве? — Я — раздраженно ответила, зевнувши. — Фамилия моя — Тимофеева.

— Попыталась выяснить, почему так? Работники библиотеки ответили, что не доверили мне. Я поклонилась и ушла.

— Скажите, а что надел ве? — Я — раздраженно ответила, зевнувши. — Фамилия моя — Тимофеева.

— Попыталась выяснить, почему так? Работники библиотеки ответили, что не доверили мне. Я поклонилась и ушла.

— Скажите, а что надел ве? — Я — раздраженно ответила, зевнувши. — Фамилия моя — Тимофеева.

— Попыталась выяснить, почему так? Работники библиотеки ответили, что не доверили мне. Я поклонилась и ушла.

— Скажите, а что надел ве? — Я — раздраженно ответила, зевнувши. — Фамилия моя — Тимофеева.

— Попыталась выяснить, почему так? Работники библиотеки ответили, что не доверили мне. Я поклонилась и ушла.

— Скажите, а что надел ве? — Я — раздраженно ответила, зевнувши. — Фамилия моя — Тимофеева.

— Попыталась выяснить, почему так? Работники библиотеки ответили, что не доверили мне. Я поклонилась и ушла.

— Скажите, а что надел ве? — Я — раздраженно ответила, зевнувши. — Фамилия моя — Тимофеева.

— Попыталась выяснить, почему так? Работники библиотеки ответили, что не доверили мне. Я поклонилась и ушла.

— Скажите, а что надел ве? — Я — раздраженно ответила, зевнувши. — Фамилия моя — Тимофеева.

— Попыталась выяснить, почему так? Работники библиотеки ответили, что не доверили мне. Я поклонилась и ушла.

— Скажите, а что надел ве? — Я — раздраженно ответила, зевнувши. — Фамилия моя — Тимофеева.

— Попыталась выяснить, почему так? Работники библиотеки ответили, что не доверили мне. Я поклонилась и ушла.</

